

Слепой
РАССВЕТ

КРИСТИНА МАЙЕР

Кристина Майер

Слепой рассвет

Серия «Черногоровы», книга 2

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67422258
Кристина Майер. Слепой рассвет:

Аннотация

Он не знал, что я родила от него дочь. И не узнал бы... но моя мама решила продать малышку отцу...

– Только при одном условии ты останешься с Машей, – я ничего не говорю, жду, что Герман предложит. Стараюсь скрыть дрожь тела. – Родишь мне наследника, – заявляет он и смотрит внимательно в глаза, словно хочет прочитать ответ. Убедиться, что не солгу.

Мне не хватает воздуха, становится по-настоящему страшно. Я не смогу выполнить его условие, для меня это все равно, что подписать себе смертный приговор... На раздумья нет времени. Сейчас Герман меня все равно не услышит, нужно говорить «да» и попробовать потянуть время. Позже во всем признаться.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	19
Глава 3	26
Глава 4	35
Глава 5	44
Глава 6	48
Глава 7	52
Глава 8	56
Глава 9	60
Глава 10	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Кристина Майер

Слепой рассвет

18+

Цикл: Черногоровы: Книга вторая

Пролог

Герман

«Если ты продолжишь меня игнорировать, отшлепаю по самой сексуальной заднице на свете!» – буравлю взглядом свою красавицу. Я уже минут пятнадцать с неё не свожу взгляд, а она и не думает на меня смотреть. – «Деловая, нахрен, уволю сегодня же!»

Меня и так бесят сальные, опьяненные бухлом и наркотой взгляды, которые на ней вечно задерживают клиенты. Охрана только за Полей следит, чтобы никто пальцем не тронул. Убью ведь любого. Принципиальная... Денег моих не хочет, сама зарабатывает.

Документы на развод почти готовы, осталось отнести в суд. По-хорошему Наташа разводиться не желает. Как только получу свободу, загребу эту девочку себе в пожизненное пользование. Будет мне детей рожать и борщ варить. Секс – явление, само собой разумеющееся. Много его не бывает. И как же охрененно, что Поля и в этом мне идеально подходит. За каких-то пару недель моя нецелованная девочка превратилась в страстную партнершу. Я дурил от этой девочки. Мне ее всегда было мало. Красивая рыжая бестия. Глаза зеленые бесстыжие. Тону в них. Когда врываюсь в нее, не позволяю глаза закрывать. Зелень с поволокой. Погружаюсь глубоко, а сам во взгляде ее купаюсь. Теряюсь в Поле.

Губы красивые. Не сильно пухлые – не люблю эти гелевые присосы, целовать их нет никакого кайфа. А у Поли натуральные... Мягкие, сладкие. Наконец-то моя девочка поднимает на меня свой ведьминский взгляд. Идет в мою сторону. Напрашивается на неприятности. Зараза. Высунула кончик языка и облизала нижнюю губу. Закусила краешек... Эта девочка – моя нирвана. В голос рычу, потому что срывает все стоп-краны.

– Отдай поднос кому-нибудь – и в кабинет! – шепчу ей строго на ухо. Оглядывается в поисках того, кому передать поднос. Забираю пустую посуду и сую в руки пьяной девице. – Отнеси в бар, – командую. Она удивленно округляет глаза. – Бегом, – приказываю ей. – А ты за мной.

– Вы меня уволите, Герман Андреевич? – дразнит зараза.
– Очень скоро, а пока у тебя вторая смена, – она смеется, знает, что я шучу.

Закрываю кабинет, поворачиваю в замке ключ. Я уже на взводе. Сминаю сладкие уста. Полина припечатана к двери моим телом. Блин, сейчас задохнется. Ослабляю напор.

– Ты почему на меня не смотрела? – грозно рычу я, при этом мой язык проходится по ее шее. Дыхание у Поли перехватывает. – Отвечай!

– Тогда остановись, – кому-то сложно говорить, отмечаю я. Довольный как слон, я продолжаю ее заводить. Потом расскажет. Грудь Поли – это отдельный разговор, будь моя воля, я бы закрыл ее в доме и не позволял носить одежду. Чтобы

эти сочные спелые ягоды были всегда в моем распоряжении.

– Герман, стой. Опять порвешь платье.

– Новое возьмешь.

– Там моих размеров не осталось! – я не спорю, стягиваю с себя футболку. Зрачки Полины увеличиваются, я знаю, ей нравится. Особенно пластины на прессе. Когда она начинает каждую обводить языком...

– Герман, открой, я знаю, ты там! – неожиданно раздался голос из-за двери. В мой клуб жена приходит второй раз в жизни. Что ее сюда принесло?

Стремно. Жена застучала с любовницей, а я переживаю за Полину. На ней лица нет. Побелела вся. Трясется.

– Открой, я знаю, ты не один! – доносится из-за двери.

– Ты чего испугалась? Иди ко мне, – раскрываю объятия, Поля падает в них и тихо плачет.

– Не мой ты. Неправильно все это.

– Твой. Не реви, – она с самого начала знала, что я женат. Противилась своим чувствам. Да только меня накрыло так, что не дал я ей шанса для отступления. Нагло, бессовестно соблазнил, сделал своей, пока какой-нибудь молодчик ее не увел.

Футболку не надеваю. И так понятно, чем я собирался заниматься. Подхожу к двери, поворачиваю ключ.

– Ты мне изменяешь! – врывается в кабинет супруга с таким лицом, будто поймала на месте преступления. Только раскаяния-то я не испытываю.

– Прикинь, – нагло усмехаюсь. – Удивительно, да? – вижу, что сделал больно, но уже поздно что-то менять.

Секс у нас с ней последний раз был месяца полтора назад. А ведь она знает о моих аппетитах. Я психовал, когда она отказывалась повторить, а тут у меня что – стоять перестал? Я не изменял ей до Поли, но в постели мы не были на равных. Когда встречались, да и в первый год супружеской жизни наша постель не остывала. Были и страсть, и безумие, и несколько раз подряд. А теперь «не мешай», «не видишь, я роль учу», «у меня голова болит», «я устала»... Отчего это ты так устала – тратить мои бабки или сидеть в телефоне и выкладывать посты? Секс стал постным и неинтересным. Механика, никаких эмоций! Иногда легче передернуть, чем к ней приставать.

– Мы уже давно не семья, Наташа, – хороший момент, чтобы обсудить развод.

– Не семья?! Не семья?! – рыдает она. – Я беременна, как ты и хотел! – вытаскивает из сумки что-то и сует мне в руки. – Две полоски! – кручу тест-систему в руках. Столько лет мечтать о ребенке – и вот, когда ты этого совсем не ждешь, судьба делает подарок. Ставит тебя на колени!

– Я пойду, – Поля отходит от стены и спешит к двери.

– Поля, стой! – она меня слышит, но не реагирует. Ускоряет шаг. Бежит.

Мне нужно принять решение. Выбор, чтоб его!..

Глава 1

Герман

– Так и будешь молчать? – Наташа стоит в дверях спортивного зала. Ее руки сложены на груди. Дышит учащенно, грудь гневно вздымается. Тонкий пеньюар цвета виски не скрывает ее женские прелести: длинные ноги, пышная грудь, округлые бедра. Мужик всегда думает о сексе – и я не исключение, а тут... Смотрю, но ничего не шевелится.

Колочу из последних сил боксерскую грушу. Выплескиваю накопившуюся ярость. В руках усталость, тянущая боль в мышцах, а я никак не могу остановиться. С женой вновь скандалили. Опостылело все! Не хотелось приходить домой. В клубе спокойно, хоть вообще оттуда не уходи.

– Герман?! Я хочу ребенка! – эта фраза взрывает мой мозг. «Опять?! Опять начинает!»

Желание схватить ее и встряхнуть. Ощутимо так, чтобы зубы клацнули. Давно уже ничего между нами нет. Умерло все. Скидываю перчатки, тяжело дыша, подхожу к Наташе. Стягиваю через голову футболку, утираю ею пот с лица, отбрасываю на стул.

– Читай по губам. Я-не-хо-чу! – растягиваю слоги, отчего они сливаются в одно длинное слово.

Наташа сделала все, чтобы отбить у меня желание становиться отцом. Наблюдая за братом и его женой, я хотел и

себе тихого счастья, но такие женщины, как его Таня, рождаются раз в сто лет. В нашем с Наташей доме никогда не было тепла и уюта. Теперь мне есть с чем сравнить. Продолжать этот фарс нет смысла. Ребёнок не спасёт наш брак. Я это точно знаю. Убедился.

– Ты не можешь решать за нас двоих! В том, что я потеряла нашего ребенка, виноват ты! – ее обвинения бьют под дых. Я продолжаю стоять на ногах, но ощущение, что валяюсь на полу и корчусь от боли. – Ты обязан дать мне другого! – на глазах у Наташи наворачиваются слезы. Я наблюдаю за зарождением очередной истерики. – Я же обещала стать тебе хорошей женой! Ты обязан дать мне шанс!

– Не обязан! – жестко выплевываю. – Я готовлю документы на развод, – они давно готовы, все никак не могу отнести их в суд. У Наташи последние полгода эмоциональные срывы, истерики. Супруга была уверена, что мою любовь к ней невозможно убить. Она смогла. Теперь цепляется за призрачную надежду, что ребенок все исправит. А я не собираюсь еще одного человека делать несчастным. Детей у нас с ней не будет.

– Ты его не получишь, – произносит она, разворачивается и убегает.

Наташа была моей первой любовью. Познакомились в баре. Красивая сексуальная актриса должна была согреть мою постель на одну ночь, а задержалась в моей жизни на несколько лет. Ошибочно задержалась.

Полгода мы живем в аду. Наташа пытается переложить ответственность за потерю ребенка на меня. Замершая беременность, плод перестал развиваться. «Почему так произошло?» – спрашивал врачей, они разводили руками. Жена уверена: не застань она меня с любовницей, этого бы не произошло.

В дверь кто-то настойчиво звонит, я не собираюсь выходить. Пусть гостями займется пока еще жена, я направляюсь в душ.

– Герман Андреевич, – кричит мне водитель супруги. После двух аварий подряд я запретил ей садиться за руль. Нанял Мишу. – Тут к вам пожаловали, – продолжает орать Михаил с улицы в открытое окно. Нехотя выхожу из дома, водитель стоит у крыльца и кивает на калитку.

– Там женщина пришла. Заявляет, что принесла вашего ребенка. Пытался прогнать, не сдается. Полицию вызывать?

– Что за развод? – недоуменно смотрю на Мишу. Наташа, что ли, решила меня окончательно вывести из себя? Вытрясу душу, если это очередной ее загон.

– Понятия не имею. Но у женщины переносная люлька в руках, – я закипаю. В голову бьет кровь. Сейчас я эту дрянь задержу и сдам в полицию. Пожалеет о своей выходке!

Как только я понял, что мой брак – ошибка, перестал хранить супруге верность. Я практически перебрался в ночной клуб. Последние полгода каждую ночь – новая телка, но о

контрацепции ни разу не забывал.

Герман

Металлическая ручка калитки, нагретая на солнце, обжигает руку. Игнорируя боль, крепко сжимаю горячий металл и распахиваю дверь. Встречаюсь взглядом с женщиной. Она не шарахается, хотя видит, что я зол. Окидываю ее взглядом. Выглядит прилично. В молодости наверняка была красавицей. Сейчас ей лет сорок пять – пятьдесят. Стройная крашенная блондинка невысокого роста. Чуть курносый нос, узкие губы, впалые щеки. Светло-серые глаза внимательно меня рассматривают. Взгляд усталый, потухший. Такой бывает у одиноких или несчастных женщин.

– Вы кто? – грубо интересуюсь у женщины. Она обводит мое почти обнаженное тело оценивающим взглядом. Я могу точно сказать, что увиденное ее впечатлило. Знакомая реакция. Потекла. У бабы давно не было даже тухлого секса.

– Бабушка вашей дочери, Герман Андреевич, – негромко заявляет. Уверен, весь скепсис на моем лице она смогла прочесть. – Не надо смеяться. Машенька – ваша дочь, – поднимает она сумку, в которой спит младенец. Мазнул незаинтересованным взглядом по переноске с ребёнком. – Можете провести ДНК-экспертизу, – перебивать не стал. Слишком уверенно она себя вела. – Я отдам ее вам взамен на один миллион рублей. Вот договор, – протягивает мне бумаги. Я отмечаю, что она все же нервничает, когда забираю документ

из дрожащей руки. Просматриваю договор, который любой малограмотный адвокат может опротестовать, а ее привлечь за торговлю ребенком. – Деньги мне нужны прямо сейчас. Если окажется, что ребенок не ваш, можете подать на меня в суд и обвинить в мошенничестве. Я уже все подписала, дело осталось за вами, – в руках у нее появилась ручка, словно по волшебству. Отчаянная. Не понимает, что я прямо сейчас могу привлечь ее к ответственности?

– Кто мать ребенка? – не то, что бы я повелся на развод, но ее напор выбил меня из привычного состояния.

– Свидетельство о рождении в люльке. Углицкая Полина. Думаю, вам знакомо это имя, – она смотрит на меня и ждет, что я скажу.

Знакомо. Очень хорошо я знал это имя. Она столько раз являлась мне во сне... Прикрывая глаза, прячу от незнакомки свои истинные чувства. Наваждение, которое исчезло и оставило в душе пустоту.

– Где она? – наступаю на женщину, забыв о том, зачем она пришла. Хочется вытрясти из нее правду. Как же я хотел увидеть мелкую лгуню! И что сделать? Сердце обожгло огнем. Тошно стало. Думал, что переболел. Хрен там!

– Это неважно, – испугалась незнакомка и отступила. – Поли нет в стране, – родила и бросила ребенка? Так же, как бросила меня! Очередная сука, которая умеет неплохо так притворяться. Мой ребенок? Возможно. Полина была единственной, с кем я ни разу не предохранялся. Рядом с ней мои

мозги стекали в трусы. А до меня у нее никого не было...

— У меня мало времени. Вы согласны? — женщина нервничает. Чуть надавлю — сорвется и сбежит. Отпустить или нет?

— Зачем вам деньги? — я понимаю, что меня разводят на бабки, но какого-то хрена продолжаю с ней разговаривать.

— Спасти своего ребенка, — она прямо смотрит мне в глаза. Не лжет, отмечаю я. Во что, интересно, вляпалась Полина? Меня это не касается. Она исчезла, пусть теперь сама разгребает свои проблемы. — Деньги нужны прямо сейчас, — торопит меня незнакомка. — Пожалуйста, я вас умоляю, — на глазах блещут слезы. Трогают они меня? Нет. Мне все равно, что у них случилось. «Ты стал таким черствым», — говорила мать — и она была права. Хотя эта ситуация не оставляет меня равнодушным. Цепляет. Пока не понял, что именно, но где-то в голове свербит и в сердце торкает.

Хрен поймешь, что происходит. Будто в другом измерении нахожусь. Матери и бабушки торгуют детьми! Предположим, дочь моя... или не моя? Оставить ребенка этой торгашке?

— Входите в дом, — киваю и отхожу в сторону. Нужно во всем этом разобраться. Может, подстава?

— Нет. Было ошибкой обратиться к вам, — отходит она, взгляд мечется из стороны в сторону, а потом она срывается и убегает.

Герман

Стою и смотрю женщине вслед. Вспоминаю Полину... За-
раза! В голове словно щелкнуло, что там моя дочь. А эта
неадекватная неизвестно кому ее продаст. Даже думать о та-
ком не хочу, поубиваю же всех. Срываюсь и бегу за незна-
комой женщиной, в которой угадываются черты Углицкой.
Хватаю переноску, ребром ладони выбиваю из рук.

– Нет! Верните Машу! – кричит она, как только люлька с
ребенком оказывается в моих руках. Раздается громкий дет-
ский плач. Естественная реакция – это всучить орущего мла-
денца мамочке, но я близко не подпущу этих женщин к ре-
бенку. Что бы у них ни случилось, никогда не пойму, как
можно было упасть так низко. Им еще придется за это отве-
тить!

– Я заплачу вам! – мой голос звучит резко, женщина пу-
гается, вздрагивает. Такая сумма не проблема. – Но чтобы
ваша семья больше не приближалась к моему дому, – цежу
сквозь зубы. Торговцы младенцами! Даже если ребенок не
мой, не бросать же его в беде. Заберу, а потом начну разби-
раться.

Михаил все это время стоял в стороне и наблюдал. Я став-
лю люльку с орущим ребенком на капот машины, не хочу за-
носить домой из-за Наташи.

– Присмотри, – киваю водителю и бегом в дом. Кабинет,
сейф. Хорошо, что дома всегда есть наличка. Достаю из сей-
фа две пачки денег, кручу их в руках. Машу оценили в мил-
лион рублей. Твари!

Вынес оговоренную сумму и передал женщине. Хотелось бросить в лицо, но я смог сдержаться.

– Вы не злитесь на Полю. Не виновата она, – ее руки складываются в молитвенном жесте. На моем лице ни один мускул не дернулся, но я был в ярости. Не виновата? Лучше ей не попадаться мне на глаза! – Вот, – стянула с плеча объемную сумку и протянула мне. – Тут питание и подгузники, – Молча беру, жду, когда она уже свалит. Стоит, заглядывает в калитку, словно жалеет о своем поступке.

– Уходите! – закрываю перед ее носом дверь. Прислонившись спиной к металлической поверхности, я смотрю на Мишу с ребенком на руках. Полный раздрай! В голове хаос. Мне продали моего ребенка. Это, конечно, еще стоит выяснить, но...

– Ваш, Герман Андреевич? – мужчина кладет малышку на свой полный живот, пытается успокоить. Совсем кроха. Столько лет мечтать о ребенке – и вот тебе свалилось чудо на голову! Теперь бы еще понять, как со всем этим разбираться.

– Не знаю, – это полный трындец. Подошел к капоту и открыл папку. Углицкая Мария Германовна. Мать Углицкая Полина. В графе отец прочерк. Медицинская карта. Снилс.

– Покормить ее надо. Может, Наталью... позовем? Женщины – они в детях больше нас, мужиков, понимают, – предложение Михаила мне не нравится. Моя супруга – последняя, кого я хочу впутывать в это дело.

К лешему Наташу. Все это закончится очередным сканда-

лом. Стоило уже начать готовиться.

– Подержи ребенка, Миш, я сейчас вернусь.

До сих пор не сходил в душ. Потный весь. Наташа занимается в спортзале, музыка грохочет на весь дом. Неудивительно, что не слышит, как кричит младенец. Беру телефон и иду обратно во двор. Выручить меня может только Таня, но ей звонить не решаюсь, вдруг отдыхает. У нее тоже кроха на руках. Набираю брату.

– Привет, а я как раз собирался тебе звонить. Подъедешь к нам? У нас тут...

– Подожди, Андрей, – перебиваю его, Мария не успокаивается. – У меня ЧП, нужна ваша с Таней помощь.

– Рассказывай.

– Я стал отцом, – я уже принял решение, что малышку не отдам, даже если не моя. Привела ее судьба в мой дом, значит, буду воспитывать.

– Что за шутки, Герман?

– Никаких шуток, только что купил трехмесячную дочь, – я не прикалывался над братом, я поражался, насколько абсурдной может быть правдоподобная ситуация. – Мне помощь Тани нужна, я же в детях ничего не понимаю, – подхожу к Мише, чтобы Андрей услышал, какая голосистая у меня дочь.

– А мать где? – возмущенно звучит голос брата.

– А хрен ее знает. Не интересовался!

– Точно твоя? – Андрей до сих пор не может поверить.

Да и я тоже.

– Сейчас найду частную клинику, чтобы приехали и взяли биоматериалы для экспертизы. Но это потом, а сейчас мне нужна консультация Тани. Срочно.

– Сейчас подъедем, – сбросил вызов и подошел к Мише.

– Давай я попробую, – протянул руки за малышкой.

– Ты голову ей придерживай, – советует водитель. Думал, у меня она успокоится. Куда там. Горе-папаша.

Я жадно впитываю ее образ. Хорошенькая. Пахнет странно. Молоком. На голове светлый пушок. Тонкая шапка съехала набок. Пальчики тонкие, кожа на них прозрачная. Ручки сжаты в кулачки. Глаза большие, голубые как у меня. Щечки пухлые. Губы красивые, как у мамы... Какая она тебе мама, родила и продала!

– Ну что, будем знакомы, дочь? – Машу мой голос напугал, малышка вздрогнула и заревела громче. Хотя куда еще громче?

– Чей это ребенок? – с крыльца заверещала Наташа.

Глава 2

Полина

Голова раскалывалась. Медсестра дала таблетку, я приняла её и вернулась в палату. Когда это все закончится? Когда я смогу увидеться с малышкой, обнять ее, прижать к себе, поцеловать всю? Мне никак не могли поставить диагноз, зрение резко ухудшалось.

Терапия, проводимая в больнице, давала слабый результат. Это уже второй курс лечения. После первого наступило улучшение, но прошло чуть больше месяца, и зрение вновь резко стало падать. Сегодня пятый день лечения, зрение восстанавливается. Я почти нормально вижу. Конечно, не так, как раньше, но значительно лучше, чем было. Когда у тебя все размыто перед глазами, ты не можешь увидеть своего ребенка на кровати, это страшно. Действительно страшно. Маша на искусственном питании, а я даже норму воды в бутылку налить не могла, приходилось кого-нибудь звать, просить. Моей малышке нужна здоровая сильная мама. Я не могу лишиться зрения...

За все в жизни приходится платить. Мама говорит, что за грех свой наказание несу. Знала, в чем мой грех – я влюбилась в женатого мужчину. С первого взгляда. Будто молнией ударило. Увидела его – и дыхание перехватило. Он мазнул по мне равнодушным взглядом и позвал в кабинет. Помню

как сейчас...

Стою в его кабинете, он мне вопросы задает, а я растерялась, вымолвить ничего не могу. Рассматриваю мужчину. От него пахнет классно, голова кружится, как после первой затяжки в жизни. Про таких говорят – сплошной секс. И именно сейчас я жалею о том, что девственница. Стильная прическа, длинная челка небрежно отброшена назад. Руки тренированные, каждая мышца будто прорисована. Волевой подбородок, скулы ярко выражены. Взгляд прищурен. Глаза голубые, холодные, словно Северно-ледовитый океан. Я то-ну и не хочу спасения. А губы? Хочется, чтобы они страстно меня целовали.

И ведь целовали. Не сразу, но целовали... И как целовали! Слезы набегают на глаза. Мой грех. Самый сладкий и незабываемый. Не было ночи, когда я не мечтала бы оказаться в его объятиях.

Мама пришла только вечером. Я вся извелась, потому что уже звонила несколько раз, а родительница не отвечала. Конечно, в голову сразу лезут плохие мысли – что-то с дочкой случилось!

– Как Маша? – спросила маму, как только она вошла в палату.

– Нормально, – отвела она взгляд в сторону, подошла к тумбочке и положила на нее что-то из продуктов.

– Она нормально ест?.. Не плачет?.. – сыплю вопросами, беспокойство растет. Вроде вот стоит мама, а что-то тревож-

но мне.

– Маша – ребенок, конечно, она плачет, – обрывает она меня.

– Мама, я вижу, что ты нервничаешь. Что с Машей?

– Видишь? Ты почти ослепла! – раздраженно бросила мама. Нервно выложила что-то из пакета. Я закрыла лицо руками. Как же больно. – Прости, Поля. Прости меня, дуру! Не подумав, ляпнула, – кинулась она ко мне. Принялась обнимать, целовать. Плакала она, плакала я. – Устала я, доченька. Валька нервы треплет.

– С Машей правда все в порядке? – только это меня сейчас волновало.

– Правда, правда. Я тут салат приготовила, поешь, – в руки мне сунули пластиковый контейнер и вилку.

– Мам, позвони Вале, узнай, как там Маша. Она же ее оставить может и к друзьям убежать.

– Звонила только что, нормально все дома. Задерживаться не буду, побегу домой. На Вальку же положиться нельзя. С врачом только поговорю.

– Мам, попроси Вальку снять видео с Машей и прислать мне, – видела я картинку не очень хорошо, но даже это приносило мне нереальное счастье. Как же я хочу домой. К доченьке.

– Передам. Завтра тебе МРТ сделают.

– Так он же не работает у них, это в другую больницу ехать нужно. Там очередь, договариваться за месяц надо.

– Отказался кто-то, тебе проведут, сказали, – я плохо видела мамины черты лица, но замечала, что она отводит глаза в сторону. – На такси деньги оставлю, смотри, чтобы не украли.

– Мама, со мной что-то серьезное? Вы не хотите меня тревожить? – я испугалась. Испугалась, что Маша останется без меня. А я не хотела от нее уходить. Ее запах... ее ручки, нежная кожа... Моя девочка...

– Ну что ты придумываешь?! Ничего такого и близко нет! – мама поцеловала меня и ушла, а я всё не могла выкинуть из головы это обследование. Голова вновь разболелась.

Полина

Ужасно было лежать в камере томографа. Я старалась не обращать внимания на замкнутое пространство, но не получалось. Не запаниковать бы! «Нужно дышать ровно, не шевелиться» – напоминала себе.

Подумать о чем-нибудь приятном. Машенька...

Как же я соскучилась по доченьке. Малышку любила безмерно. В семье вечно проблемы, ссоры, недопонимая, а Маша, словно лучик света, рассеивала весь этот мрак вокруг меня.

После расставания с Германом думала, что умру. Душу будто из меня вынули. Когда Наталья ворвалась в кабинет и объявила о своей беременности, мой мир рухнул. Несмотря на наши чувства, я приняла решение уйти. Даже спустя год я

понимала, что поступила правильно. Залезла в чужую семью, чуть ее не разрушила.

Забрала документы из института и вернулась домой. Не хотела, чтобы он меня нашел. Герману ничего не стоило уговорить меня остаться с ним. Перед этим мужчиной я никогда не могла устоять. Любовница... Звучит оскорбительно, но я бы согласилась на эту роль, если бы он попросил.

Я влюбилась в Германа раньше, чем узнала о его жене. Не сделай он первый шаг, статус наших отношений остался бы на уровне «начальник – подчинённая». Я бы никогда не поддалась своим чувствам. Первое время я сопротивлялась... А потом Герман меня поцеловал, а я не смогла устоять. Ответила. Корила себя, но отказаться от любви было выше моих сил. Я будто сорвалась с горы и неслась на большой скорости вниз, но разбиться не боялась. Знала, там внизу меня встретят, я упаду в крепкие надежные объятия. Ощущения непередаваемые. Наслаждаешься каждым мгновением. Добровольно отказаться от счастья невозможно, у меня не получилось.

Я до сих пор так же сильно его любила. Маша – бесценный подарок, который Герман мне оставил. Я когда поняла, что беременна, будто заново жить начала. Мир перестал казаться серым и тоскливым. Частичка Германа теперь всегда со мной.

Сколько раз я порывалась ему все рассказать. Мама меня ругала, что я не говорю отцу о рождении дочери. «Может,

помогал бы, раз вместе нагуляли!» – ругалась она.

Деньги. Конечно, их не хватало. Работала только мама. Я получала пособие на ребенка, но разве на него можно прожить? Наверное, Герман бы мог нам помочь, но я не хотела напоминать о себе... Он никогда не жаловался на жену, не говорил о ней плохо, но я и так понимала, что в отношениях у супругов не все гладко. Вдруг у них все наладилось, а тут я появлюсь? Еще и с Машенькой. Будет Герман мне благодарен? Вряд ли. А еще я боялась... Боялась, что он не признает Машеньку. Начнутся экспертизы, суды. Боялась, что он обо мне забыл. Боялась увидеть в его глазах равнодушие. В моих воспоминаниях он всегда будет смотреть на меня глазами, в которых горит безумное желание.

– Можете подниматься. Голова не кружится? – обратился ко мне медработник. За своими воспоминаниями я и не заметила, как меня выкатили из томографа.

– Нет, все хорошо, – лишь бы уйти отсюда побыстрее.

– Возвращайтесь в больницу. Результаты мы перешлем вашему лечащему врачу.

– А вы сейчас не можете сказать, что со мной? Почему у меня пропадает зрение? – хотелось услышать что-нибудь обнадеживающее.

– Сказать я вам ничего не могу. Результаты будут готовы позже, вы сможете узнать все у лечащего врача, – немного грубо ответил доктор. Стало обидно.

Покинув здание больницы, я вызвала такси.

– Куда едем? – спросил водитель, когда я села в салон автомобиля. Подумав секунду, назвала домашний адрес. Хочу увидеть Машеньку, хоть полчаса побыть с ней. В больницу вернуться успею.

Глава 3

Полина

На улице стояла духота. Солнце нещадно палило. Голова болела, в глазах мутнело. Расплатившись с водителем, я вышла из машины и присела у подъезда. У нас тут рос клен, под его тенью я и укрылась. Хватило пары минут, чтобы головокружение и тошнота прошли. Поднявшись на нужный этаж, я постучала в дверь. Звонить не стала, чтобы не разбудить Машу. Ключи оставила дома, когда уезжала в больницу на лечение.

Никто не открывал. Мама взяла отпуск за свой счет, но ее иногда вызывали, тогда с Машей сидела Валя. На сестру положиться было нельзя. Я еще раз постучала, чуть громче. Вновь тишина. Бросилась пешком вниз, не стала ждать лифт, может, они на детской площадке, а я не заметила? Поднесла телефон к лицу, цифры на экране специально установила большого размера, чтобы видеть время.

В обед Маша обычно спит. Если была возможность, я любила катать ее в коляске и наблюдать за сладким сном дочери. Осмотрев площадку, родительницу или Валю с коляской не увидела. Поздоровалась со знакомыми мамочками.

– Вы не видели моих? – спросила знакомых девушек.

– Сегодня не видели, – поправляя шапочку малышу, ответила одна из них.

– И вчера тоже, – дополнила другая. Что могло случиться?

– Спасибо, – я стала вспоминать вчерашнее поведение мамы. Может, Маша заболела, а они меня тревожить не хотят? Вернулась на лавочку и набрала маме.

Я знала, что волноваться мне нельзя. Врач предупреждала. Предположительно что-то с сосудами и глазными нервами, поэтому зрение начинает падать. Вот и сейчас я заметила, что хуже стала видеть. Надо успокоиться. Трубку она подняла почти сразу.

– Мама, вы где?! – сразу же принялась я выяснять.

– Поля, ты уже сделала МРТ? – не ответила она на мой вопрос.

– Да!

– Что сказали врачи? – в голосе мамы я улавливала тревогу. Такое ощущение, что мама знает больше, чем мне рассказывает.

– Ничего конкретного. Отправят результаты лечащему доктору. А вы где?

– Домой иду, в магазине была, – мне даже легче дышать стало. Сейчас я увижу свою малышку. Одну бы в квартире мама ее не оставила. Потерев глаза, встала со скамейки и пошла родительнице навстречу. – Ты уже в больнице?

– Нет. Решила заехать... Валя? – увидела сестру, которая чуть не наехала на меня.

– Поля, что ты тут делаешь? – удивилась Валя. Она не рада была меня видеть. Подняв с земли скейтборд, она натяну-

ла кепку пониже на глаза. Я сестру хорошо знаю, она что-то натворила и сейчас пытается от меня это скрыть.

– Заехала с Машей повидаться.

– Тебе разве можно больницу покидать? – Валя продолжала озираться по сторонам.

– Меня отпустили, поиграю с дочкой и через час вернусь. А ты откуда едешь? Лучше бы матери помогла. Она и с ребенком сидит, и в магазин сама ходит, и все дела по дому на ее плечах. Неужели нельзя часть обязанностей на себя взять?

– Вот мама идет, – бросила она скейтборд на землю, умело перевернула его ногой, вскочила и уехала.

– Валя, подожди! – она даже не повернулась.

С сестрой было тяжело. Пубертатный период явно затянулся. Уже почти восемнадцать, а мы никак не могли найти с ней общий язык. Вале нравился свободный образ жизни, никакие доводы она слушать не хотела. Красивая девчонка, но вела себя, как мальчишка. Когда Валя обрезала шикарные волосы, у мамы чуть инфаркт не случился. Потом она отказывалась идти сдавать ЕГЭ, еле-еле ее уговорили. И ведь сдала, даже балы хорошие набрала. А теперь вновь мы пытаемся уговорить ее пойти учиться в университет. Не хочет! Доводы глупые приводит. Пропадает целыми днями с друзьями. Прыгает с крыш, катается на скейтборде, гоняет на чужих машинах. Восемнадцати лет Вале еще нет, прав на вождение тоже не имеет, а за руль садится.

Я и забыла, что разговаривала с мамой. Посмотрела на

экран телефона. Вызов она сбросила. Увидела я родительницу, когда она подошла ко мне очень близко. Может, я её и раньше разглядела бы, если бы она была с коляской...

– А где Маша? – спросила маму.

– Мама, ты почему молчишь? – я чувствовала, как сердце хаотично стучит в груди.

– Ты почему не в больнице? – грубый тон мамы только подтверждал мои догадки – что-то случилось с Машей.

– Где Маша, я тебя спрашиваю?! – я перестала себя контролировать, повысила голос. – Ты почему молчишь?!

– Дома поговорим! – она обошла меня и быстро устремилась к подъезду. Я бежала за ней и кричала: – Где моя дочь?

– Не привлекай внимание! – мама заметно нервничала. Она не стала ждать лифт, влетела на нужный этаж. Мои ноги подкашивались, в голове шумела кровь, я задыхалась. Что-то случилось с моей дочкой, а от меня это скрывали. Я так жалела, что оставила ее! Эмоции глушили сознание. Слезы застилали глаза, я почти ничего не видела.

– Где Маша?! – закричала я, как только мы вошли в квартиру. – Куда вы дели мою дочь?! – я забежала в свою комнату, кровать была пуста. Я подняла ее распашонку и прижала к груди.

– Поля, не кричи, тебе нельзя волноваться. С Машей все хорошо, – на секунду появившаяся надежда угасла, как только я подняла взгляд на маму. Она виновато опустила голову и негромко добавила: – Маша у отца, – ноги перестали меня

держат, подогнулись, и я опустилась на пол.

Герман знает о дочери...

– Зачем?! Зачем, я спрашиваю тебя?! – кричала я рыдая. – Как ты могла?! – мама упала передо мной на колени.

– Так надо было! С отцом ей ничего не грозит. Ты же сама говорила, что он хороший человек, – она попыталась меня обнять, но я оттолкнула ее руки.

– Если тебе было тяжело, почему ты не сказала мне? Я бы ушла из больницы!

«Нужно позвонить Герману и попросить вернуть мне Машу? – раненой птицей эта мысль билась в голове. – А если он откажет?.. Я умру!».

– Тебе нужно лечиться! – повысила и она голос. – На обследования и лекарства нужны деньги! Деньги, которых у нас нет!

– Ты поменяла Машу на деньги? Мама, ты взяла у Германа деньги?! – упрямо поджав губы, она молчала. – Отвечай! – у меня такое ощущение, что я проваливаюсь в черную бездну, а спасения нет. Никогда в жизни я не испытывала такой душевной боли.

– Да, – это прозвучало, как приговор.

– Сколько?.. Сколько ты взяла? Ему надо их срочно вернуть! – я уже стояла на ногах. Комкая в руках распашонку, требовательно произнесла: – Отдай мне деньги, я поеду и заберу Машу!

– Один миллион рублей. Твой Герман сказал, чтобы мы к

его дому не приближались, – вымолвила мама и заплакала. Стало действительно страшно. Я хорошо смогла узнать этого мужчину. Он был добрым, внимательным, заботливым, любящим, но в то же время очень жестким с посторонними. Как он расценил этот поступок, остается только догадываться. Получается, я скрыла от него рождение дочери, а потом ее продала. Продала свою малышку... Я закричала от боли. Мама ладонью закрыла мне рот и стала обнимать.

– Тише, Поля! Сейчас соседи полицию вызовут! Ты же знаешь, какие они! – испугалась родительница за себя, а я задыхалась от боли, когда смотрела на пустую кровать.

– Пусть вызывают! Пусть все узнают, что ты продала мою дочь! – никто не может судить мать, у которой похитили ребенка. – Я хочу вернуть Машу!

– Давай, вызывай полицию. Пусть меня посадят! А я ведь это сделала ради тебя! Можно подумать, я Машу цыганам продала! Отдала родному отцу! В его хоромах ей точно будет лучше. И на питание будет хватать, и на подгузники! Я зашивалась на работе, чтобы вас прокормить, а тут твоя болезнь! Может потребоваться операция! Где деньги брать? Ты хоть подумала, что у слепой матери ребенка могут отобрать и отдать в детский дом? Ты же представляешь угрозу ее жизни!

Конечно, я это все знала, поэтому и согласилась на лечение, но я даже предположить не могла, что потеряю дочь. Мне нужно успокоиться и обо всем подумать. Голова раскалывалась, перед глазами размытые круги, то ли зрение вновь

стало падать, то ли из-за слез.

В больницу я не вернусь, пока не верну Машу. Как же больно, как же обидно! Почему все так? Даже если удастся вернуть дочь, кто будет за ней присматривать, пока я нахожусь на лечении? Матери и сестре я больше ее не оставляю. Остается только умолять Германа позволить мне быть с Машей. Надеюсь, что он сможет выслушать и понять. Заберу миллион и поеду к нему.

– Верни мне все деньги, что ты взяла у Германа, – потребовала я. Глаза вытерла пеленкой, растерла их, но зрение не возвращалось. Все лечение может пойти насмарку. Как и сказал врач, нервничать мне нельзя, я могу полностью ослепнуть.

– Я заплатила за твое обследование, купила лекарства...

– Хорошо, отдай, что осталось. Я продам серьги бабушки и доложу недостающую сумму, – настроена была решительно, пусть только попробует кто-нибудь помешать мне вернуть дочь. Я никогда не смогу понять родительницу и оправдать ее поступок. Интересно, она бы смогла продать меня с Вале́й? Отказаться от своих дочек?

– Мама не сможет вернуть тебе деньги, – в дверях стояла сестра, я не видела и не слышала, когда она пришла.

– Что значит «не может»? – мой голос сорвался. Какую еще подлость они совершили? Мама отошла к шкафу, вытащила оттуда кошелек.

– Тут только триста тысяч, – вытащила она деньги и за-

плакала еще громче. – Их я оставила на твое лечение.

– Где остальная сумма? Куда вы ее дели? – я переводила взгляд с матери на сестру. Обе молчали. Оценили мою дочь в миллион рублей. Продали Машеньку, а деньги потратили! Ненавижу их! Как же я их сейчас ненавижу! Мне нужен этот долбаный миллион, чтобы прийти к Герману с чистой совестью. Объяснить ему все, тогда можно рассчитывать на понимание.

– Мама вытащила меня из тюрьмы! – вымолвила Валя. – Прости.

Это словно какой-то страшный сон. Я заснула и не могу проснуться. Герман теперь точно не станет меня слушать. Подумает, что я продала дочь, а когда закончились деньги, решила за его счет устроиться!

– Простить? Ты не умеешь жить и нам не даешь! Что ты опять натворила?!

– Села за руль Димкиной машины, совершила аварию! Он сам дал ей ключи, а в полиции сказал, что она ее угнала, – произнесла мама. Можно подумать, это хоть как-то оправдывает их поступок. Я не хотела верить, что это происходит в реальности.

– Ты продала мою малышку, чтобы спасти чудовище, которое нам жить не дает? – родительница ничего не ответила. – Как так можно поступать со своей семьей, Валя? Ты не хочешь нормально жить, из-за этого пострадала моя дочь! Сколько еще жертв нужно принести, чтобы ты взялась за ум?

Я ненавижу тебя! – сестра в одночасье стала мне чужой. – Я ненавижу вас обоих! Никогда не смогу простить! Больше никогда не говори мне, что ты продала Машу, чтобы спасти меня! С этого момента у тебя только одна дочь! – перед глазами все потемнело, поплыло...

Глава 4

Полина

Меня увезли в больницу. Я не хотела здесь находиться. Не могла спокойно лежать, все мысли были о дочке. Как она там? Хорошо ли спит? Ест? Не заболела?

Мне нужно ее увидеть. Упросить Германа вернуть мне Машу. Если он пойдет навстречу, во что мне слабо верилось, я не знала, куда мы пойдем с дочкой жить. В квартиру матери я не вернусь. С Машей или без – ноги моей там не будет.

Мама находилась почти все время в больнице, сидела за дверьми палаты. Плакала, умоляла ее понять. Понять?! Как можно такое понять? Ее объяснения я не желала слушать. Все мои мысли были о дочери. Переживала, смогу ли я ее вернуть?

А тут новый удар – опухоль в головном мозге. Именно она давит на глазные нервы и тревожит сосуды, поэтому зрение пропадает. Нужна операция. Смогу ли я после этого видеть – большой вопрос. Вмешательство в головной мозг может нести и другие последствия. Я все прекрасно понимала. Опухоль доброкачественная, но она растет. Ну и понятно, что даже доброкачественное новообразование может перерасти в злокачественное. У меня было немного времени, чтобы подумать и принять решение. Врачи пояснили, что моя беременность могла спровоцировать увеличение опухоли. Всему

виной всплеск гормонов в организме.

Я не хотела остаться слепой, не хотела иметь психические нарушения, которые возможны. Как согласиться на операцию, которая может лишить меня общения с дочерью? Кто отдаст ребенка слепой или неполноценной маме?

Наши врачи решиться на такую операцию не могли, посылали меня в Москву. Они передали все документы в столичную клинику. Пришел ответ, что мне нужно пройти еще раз обследование, но уже в Москве. Вместе с операцией это обойдется мне в полтора миллиона рублей. Мама побежала собирать документы на квоту. Придется ждать несколько месяцев, а может, и несколько лет, там же огромные очереди. Она не ожидала, что все обернется так. Выглядела родительница подавленной и расстроенной, но мое сердце это не трогало. Будто умерло все внутри.

Все мои надежды на то, что Герман выслушает и поймет, растаяли. Он не брал трубку, а звонила я ему в день раз по сто. Изредка он все же отвечал на мои звонки, требовал больше не беспокоить и обрывал разговор. Я не была знакома с жёстким характером этого мужчины, общаясь со мной раньше, он демонстрировал только теплоту и внимание. Поэтому неприятно было столкнуться с его холодностью. Я не успокоилась и не сдалась, была полна решимости находиться рядом с Машей.

После выписки из больницы я заехала домой, чтобы собрать вещи.

– Куда ты собралась? – спросила меня мама, когда увидела, что я выхожу из дома. Все это время я практически с ней не общалась. Не брала еду, которую она приносила, не отвечала на вопросы, когда она их задавала. Только я знаю, сколько пролила слез за эти дни. Только я знаю, как от боли разрывается мое сердце!

– Я забрала оставшуюся от продажи Маши сумму денег, – предупредила я мать. О том, что я еду к Герману, она догадалась сама. Я помнила наказ врачей о том, что мне нужен покой. Пока я не окажусь рядом с Машей, это будет невозможно, но я старалась не нервничать. Больная и слепая я точно никому не нужна.

– Наверное, хорошо, что ты едешь к нему. Может, он даст денег на операцию?

– Ты в своем уме? Я не собираюсь ничего просить у Германа! У меня одно желание – находиться рядом с Машей, – он меня и так слушать не желает, а тут я с порога заявлю, что мне нужно еще денег. Если придет квота, скорее всего, я решусь на операцию, но сейчас мне думать об этом страшно и не хочется. Ведь после этого неизвестно, увижу ли я свою дочь, узнаю ли ее, смогу ли обнять?.. – Не вмешивайся в мою жизнь, считай, что я умерла, у тебя больше нет дочери. Прощай, – подхватила сумку и пошла к двери.

– Поля, зачем ты так? Прости меня! Прости, девочка! – она продолжала кричать и плакать. Оставив ключи в прихожей, я вышла из квартиры и закрыла за собой дверь.

– Полина, езжай ты домой! Не приедет Герман в клуб. Он уже неделю тут точно не появлялся, – произнес Костя – мой бывший начальник.

– Я никуда не поеду, пока с ним не поговорю, – настроена я была весьма решительно.

– Ты же видела, сколько раз я ему звонил, трубку он не берет! Не знаю, чем он так занят, но клуб ему нахрен не сдался. Не занимается он им!

– Костя, не прогоняй меня, идти мне все равно некуда. Когда-нибудь он все-таки появится, мне с ним поговорить нужно. Вопрос жизни и смерти.

– Фиг с тобой! Сиди у меня в кабинете! Есть хочешь?

– Хочу, – голова ужасно болела, вполне возможно, от голода.

– Сейчас прикажу девчонкам что-нибудь тебе принести.

– Спасибо, Костя!

– Да не за что, упрямица, – управляющий вышел. Скинув обувь, я вытянулась на диване, откинула голову на подлокотник и прикрыла глаза. Весь день провела на ногах, устала. Ездил к Герману домой, никто не вышел. Просидела, прождала, так никто и не появился. Как-то он заезжал за документами, а я в машине сидела, адрес запомнила.

Минут через двадцать вернулся Костя. Сам принес поднос

с закусками.

– Ешь быстрее, – поставил он поднос на свой стол, отодвигая в сторону бумаги.

– Что случилось? – заметила, что он дергается.

– Герман перезвонил. Как ты и просила, я сказал, что ты его здесь дожидаясь и никуда не уйдешь, пока вы с ним не поговорите, – мое сердце убежало в пятки. – Едет сюда. Поля, он очень зол. Может, позже придешь с ним пообщаться?

– Нет. Сейчас.

– Не знаю, что между вами произошло, но Черногоров не обрадовался твоему приходу. – Костя ждал хоть каких-то объяснений, а мне нечего было ему сказать. Герман доверял ему управление клубом, но в личные дела никого не посвящал. Мы были близки, но даже мне он не рассказывал о семье. Вряд ли Герман обрадуется, что я обсуждаю с его подчиненными наши проблемы. – Ешь давай, – скомандовал Костя, отодвинул для меня офисное кресло.

Как только Костя сообщил, что Герман едет в клуб, у меня пропал аппетит, но обижать управляющего не стала. Впихнула в себя немного еды.

– Как ты жила все это время? – я видела, что ему хотелось поговорить, но мне было не до этого. Я думала о встрече с Германом.

– Нормально. Работала, потом пришлось уволиться.

– Вижу, что говорить ты не хочешь, не настаиваю. Поля, я тебя очень прошу, не поднимайте шум. Клиентов мне рас-

пугаете. Герман после твоего побега словно с цепи сорвался, совсем другой человек. Постарайтесь тихо разобраться, – я кивнула, а сама анализировала слова управляющего. – Я в зал выйду. – Костя забрал с собой поднос, пробурчал, что я ничего не поела, и ушел.

Места себе от волнения не находила. Вытащив из сумочки две таблетки, проглотила, не запивая. Только бы зрение не подвело. Тогда Герман точно вычеркнет меня из жизни дочери. Я и без предупреждения Кости поняла, что не знаю Черногорова.

Услышав четкие, уверенные шаги за дверью, я уже знала, кто сейчас войдет. Створка резко распахнулась. Я плохо видела его черты лица, но и без этого поняла, что Герман недоволен моим появлением. Не хотелось показывать, что я напрягаю зрение, да и врачи не советовали это делать.

– Зачем ты пришла? – процедил он со злостью. Я забыла все, что собиралась ему сказать. Герман закрыл дверь, сделал два шага по направлению ко мне. Ощущение, будто на меня надвигается хищник, захотелось отступить. Он стоял рядом, я могла уловить запах его парфюма, но впервые его близость заставляла меня дрожать не от страсти, а от страха.

– Я хочу поговорить о Маше. Хочу, чтобы ты ее вернул, – наконец-то я собралась и заговорила. – Мама не имела права отдавать тебе мою дочь.

– Она не отдала, она продала! Маша не только твоя дочь, но и моя!

– Я этого не отрицаю...

– Тогда почему я не знал о ее рождении?! – крикнул он так, что я отступила. Костя просил не поднимать крик, но разве в таком состоянии Герману можно что-нибудь сказать? Любой мой ответ вызовет очередную волну гнева.

– Прости. Я хотела тебе сообщить. Правда, много раз хотела позвонить и рассказать.

– И почему не сделала?

– Не хотела влезать в твою семью, – решила сказать правду. – Я думала не о себе, когда скрыла рождение Маши.

– Мне все равно, о чем ты там думала. Дочь будет жить со мной. Ты ее больше никогда не увидишь, – от его холодно-го равнодушного тона в жилах стыла кровь. – На этом разговор можно закончить. Больше не появляйся в моей жизни. Я твою мать об этом предупредил. Будете мозолить глаза, я упрячу вас в тюрьму за торговлю детьми, – он развернулся, собираясь уйти. Отмахнулся, словно я мошка.

– Я не продавала Машу! Герман, послушай меня, – кинулась за ним и схватила за руку.

– Не желаю ничего слушать. Твои оправдания ничего не изменят!

– Я даже не знала, что мама так поступила! Она Валю от тюрьмы спасти хотела, а я в больнице лежала! – кричала и плакала я, но он, хоть и развернулся ко мне лицом, остался все таким же равнодушным. Поняла, что жалости в нем не найду. – Мама не имела права так поступать! Не имела права

забирать у меня ребенка! Я не представляю своей жизни без Маши. Герман, прошу тебя... – умоляюще смотрела на него, на лице любимого когда-то мужчины не дрогнул ни один мускул. – Оставшуюся сумму я забрала и привезла обратно! Конечно, тут мало... – я чувствовала нарастающую головную боль, понимала, что нельзя так нервничать, но если я сейчас до него не докричусь, он уйдет. Деньги вытащила и протянула Герману, он швырнул их на стол. Купюры рассыпались по всему кабинету. – Верни мне ребенка! – умоляюще звучит мой севший от крика голос.

– Я купил свою дочь, – цедит он зло слова. – Ты ее больше не увидишь! – глотаю слезы, размазываю их свободной рукой по лицу. Этот мужчина холодный, чужой, я его не знаю.

– Не поступай так со мной! Герман, я тебя очень прошу! Я согласна на все, только не лишай меня дочери! – готова ползать у него в ногах, лишь бы быть с Машенькой. Я ее люблю больше жизни!

– На все, говоришь? – его тембр голоса меняется, бьет по натянутым нервам. Понимаю, что ничего хорошего сейчас не услышу, но все равно твердо отвечаю:

– Да, – мне нечего терять. Без дочки я не смогу жить.

– Только при одном условии ты останешься с Машей, – я ничего не говорю, жду, что Герман предложит. Стараюсь скрыть дрожь тела. – Родишь мне сына, – заявляет он и смотрит внимательно в глаза, словно хочет прочесть ответ. Убедиться, что не солгу.

Мне не хватает воздуха, становится по-настоящему страшно. Я не смогу выполнить его условие, для меня это все равно, что подписать себе смертный приговор... На раздумья нет времени. Сейчас Герман меня все равно не услышит, нужно говорить «да» и попробовать потянуть время. Позже во всем признаться.

– Я готова согласиться, но возникает вопрос: а что потом? Ты отдашь мне Машу, а себе оставишь сына? – он молчит, а я с замиранием сердца жду ответа. Хотя понимаю, что такая ситуация вряд ли будет возможна.

Глава 5

Герман

– Я подумаю, – отвечаю Полине. На самом деле я принял решение, как только вошел в кабинет.

За этот год она мало изменилась. Волосы стали длиннее, да взгляд поменялся. Я смотрел на нее и понимал, что ничего не исчезло. Глубоко засела занозой в сердце, меня все так же накрывало в ее присутствии. А она даже не смотрит мне в глаза!

Машу она хочет вернуть! Вычеркнула меня из своей жизни, скрыла рождение дочери, потом опустили со своей матерью до того, что продали мне ребенка. Люди не умеют просить, им легче совершить низкий поступок.

Сейчас же у нее нашлись нужные слова! Не верил ей, но и отпускать не собирался. Маше она нужна. Вспоминая, как хорошо нам с ней было в постели, я мог с уверенностью добавить, что мне Полина тоже нужна. Огромное количество любовниц не давало мне того, что эта девочка.

– Герман, я только родила Машу, организму нужно время, чтобы восстановиться, – совсем тихо произносит она. Видел, что нервничает, неужели думает, что я сходу заделаю ей ребенка? У меня на нее другие планы.

– У тебя есть три года, но секс у нас будет регулярно, – я готов прямо сейчас ее взять. – Согласна?

– Да, – кивнула она.

– Поля, если ты попробуешь сбежать с Машей, больше никогда ее не увидишь. Если надеешься на то, что я забуду о нашем уговоре, то очень ошибаешься. Через два года мы вернемся к этому разговору. Я хочу еще одного ребенка, и ты мне его родишь. В противном случае уходи прямо сейчас.

– Я же сказала, что согласна, – голос ее сорвался. Полина заметно нервничала.

– В твои обязанности будет входить забота о Маше и секс со мной, попробуешь отказаться или заявить, что у тебя болит голова – мы распускаемся. Дочь останется со мной. Если у тебя есть другой мужчина, самое время задуматься.

– У меня никого нет... и не было никого, кроме тебя, – я ничего не ответил. Женщинам верить не стоит, для достижения своих целей они способны на многое. Умение красиво и ладно лгать у них заложено на генном уровне. Хотя ее слова смогли задеть за живое, хотелось бы, чтобы это оказалось правдой. Полю я не желал ни с кем делить.

– Если ты согласна, мы прямо сейчас поедem ко мне, – я приблизился к ней почти вплотную. Нас разделяло несколько сантиметров, я мог прямо сейчас схватить Полю и уложить на стол.

– А твоя жена?.. – вот кого точно не стоило вспоминать!

– Я оставил ей городской дом, сам пока перебрался с Машей на съемную квартиру, – мама звала к себе, но я понимал, что нас там будет слишком много. Хотелось тишины.

Маша очень беспокойно спит, реагирует на каждый шум, а племяннику этого не объяснишь.

– А кто сейчас с Машей? – я заметил ее беспокойство.

– Нужно было так волноваться, когда оставила дочь со своей матерью. За Машей хорошо присматривают, – жестко отрезал я. – Кстати, я не хочу больше встречаться с твоей мамашей, – сразу решил предупредить.

– Я тоже не хочу с ней видаться. С этим проблем не будет. Герман, мы можем прямо сейчас поехать к дочери? – за это время я так привык быть рядом с малышкой, что сам рвался домой.

– Поехали, – подхватил ее сумку, Поля в это время кинулась подбирать разбросанные денежные купюры. – Оставь, Костя соберет! – можно было покинуть клуб через служебный выход, но я хотел переговорить с управляющим. – Иди к машине, подожди несколько минут, я сейчас к тебе присоединюсь, – произнес Полине на ухо. Стоял и вдыхал ее аромат. Поля так близко, захотелось впиться ей в губы, но я заставил себя отступить.

Полина развернулась и пошла к выходу. Я смотрел ей вслед, завис ненадолго. Не сразу понял, что меня настораживает. Мне казалось странным, что она так медленно идет, выставляет вперед руки. Чуть с официантом не столкнулась, будто его не заметила. Догнал ее у двери, прикрыл собой и проследил, чтобы она нормально выбралась на улицу.

– Полина, тебе плохо? – схватил за подбородок и задрал

лицо к своему. Несмотря на позднее время, на улице еще было светло. Хотелось утонуть в ее глазах, но она смотрела на мой рот. Губы Полины приоткрыты, словно ждут поцелуя, меня так и тянет накрыть их своими.

– Нет, голова... Я сегодня почти ничего не ела, воду не пила, а в зале такой шум, – затараторила она. И чего так разволновалась? С кем из женщин такое не случилось? У Наташи так постоянно! А во время беременности она так и вовсе сознание теряла.

– Пойдем, посажу тебя в машину и принесу воды.

– Не беспокойся, уже лучше, – слушать ее не стал, довел до автомобиля, помог сесть на пассажирское сидение. Сумку с вещами закинул в багажник и вернулся в клуб.

Взял из бара бутылку воды. Переговорил с Костей, предупредил, что деньги на закупку алкоголя разбросаны у него по всему кабинету. Он если и удивился, виду не подал.

– Поля, все нормально? – открыл дверь и протянул ей бутылку с водой.

– Мама звонит, – показала она мне экран телефона.

Глава 6

Полина

Как только Герман отошел от автомобиля, я быстро достала из сумочки таблетки и приняла их. Запью водой, когда он ее принесет. Голова болела, зрение вновь стало подводить. Нельзя переживать... Нельзя.

Разговор с Германом дался мне нелегко. Я могла сколько угодно говорить себе «не нервничай», но это было невозможно. Слишком многое зависело от этой встречи. Неужели все закончилось? Не верилось, что скоро я смогу обнять свою малышку.

Герман... Меня пугали его холодность и жесткость. Исчезло все, что когда-то было между нами. Все... но только не моя любовь. Сердце так же замирало в его присутствии, а потом бешено стучало в груди, стоило Герману оказаться рядом.

Условия, при которых я могу находиться рядом с Машей, меня вполне устраивали. Родить Герману ребенка... сына. Интересно, а если родится еще одна девочка? Что тогда? Надо спросить у Германа. Хотя вряд ли смогу я выполнить требование – все будет зависеть от того, как пройдет операция, и от последующего лечения.

У меня есть три года. Три года. Хотя, есть ли они у меня, еще неизвестно. За это время многое может измениться. Не

хотелось сегодня думать о самом страшном повороте судьбы. Я отдавала себе отчет, что долго скрывать от Германа свою болезнь не получится. Рано или поздно он все заметит. Скорее рано, если учитывать, с какой скоростью после лечения будет падать мое зрение. Остается надеяться, что он не выкинет меня из жизни Маши. Пугала мысль, что так может произойти. Я хотела надеяться, что он выслушает и поймет.

Что касается секса... Разве это условие? Я сама желала оказаться с ним в постели. Чтобы, как раньше, его сильные руки нежно ласкали мое тело. Чтобы жаркие поцелуи обжигали кожу. Чтобы каждое нервное окончание откликалось, когда он будет во мне.

Я возбудилась. Стоило только представить, что мы занимаемся любовью. Я не спросила врача, можно ли мне вообще жить полноценной половой жизнью, или это будет иметь какие-то последствия? Ведь в момент оргазма каждое нервное окончание вибрирует от напряжения. Придется выяснять самой. Смерть от оргазма – не самая плохая смерть. Мысли невеселые, соответственно, и шутки такие. Как бы все сложилось, не будь у меня опухоли? Кто знает...

Из сумочки раздалась мелодия телефонного звонка. Увидев на дисплее телефона «мама», я хотела сбросить вызов, но в этот момент дверь открылась, на водительское место сел Герман. Я помнила его предупреждение, что мою родительницу он не хочет больше видеть. Как отнесется Герман к тому, что она мне звонит?

– Поля, все нормально? – я не хотела его разозлить, поэтому сказала правду.

– Мама звонит. Я не знаю, что ей нужно.

– Ответь, – равнодушно бросает он, я вижу, что не злитесь. Сбрасываю вызов и прячу трубку обратно в сумку. Не хочу ее слышать. Откинулась на спинку сидения и прикрыла глаза. Им нужен отдых.

Какое-то время мы едем в тишине, каждый думает о своем. Как же хотелось пролезть в его голову и узнать его мысли. Несмотря на все те переживания, что свалились на меня в последнее время, сейчас мне было хорошо. Совсем скоро я увижу свою дочку, смогу обнять и прижать к себе. Машенька...

– Почему ты сбежала? – Герман не злится, я слышу в его голосе лишь интерес.

– Твоя жена была беременна. Я не хотела делать ей больно. Не хотела, чтобы ты разрывался между нами. Это решение мне непросто далось, но на тот момент оно было единственно верным, – мне было интересно, кто у них родился, но я не решалась спросить об этом. Он никак не прокомментировал мой ответ, задал следующий вопрос:

– Чем ты занималась все это время?

– Пока могла, работала продавцом в небольшом продуктовом магазине, – Герман не смотрел в мою сторону, я могла тайком его разглядывать. Машенька похожа на папу. Конечно, дочка еще много раз изменится, но черноговорские

волевые черты лица уже сейчас были заметны. И глаза у нее голубого цвета, как у отца.

Мне о многом хотелось его спросить, узнать, как эти дни вела себя Маша, но я боялась новой волны злости. Пока безопаснее отвечать на вопросы и ждать, когда Герман готов будет меня выслушать.

Мы выехали на загородное шоссе. Герман уверенно вел машину. Красивые мужские руки сжимали баранку руля. На загорелом запястье золотые часы, как бы я ни напрягала зрение, разглядеть циферблат мне не удавалось. Страшно терять зрение. Неизвестно, что будет через месяц... неделю... или завтра. Боялась никогда больше не увидеть рассвет, закат, любимые лица. Их у меня осталось два: Маша и ее отец.

– Куда мы едем? – не настолько я слепая, чтобы не видеть, что мы свернули в лесополосу. Он ничего не ответил. На миг мне стало страшно. Герман съехал с просеки, остановил машину в гуще деревьев. Сердце тревожно билось в груди. Ффары погасли, вокруг темнота. Что он задумал?

– Я хочу тебя, – его низкий голос заставляет мурашки бежать по коже. – Здесь и сейчас, – звучит требовательно. Герман не собирается предоставлять мне шанс на отступление. – Иди ко мне.

Глава 7

Полина

И почему нельзя было подождать до дома? Хочет убедить-ся, что я не нарушу договоренность? В машине сексом мы не занимались, я смутно представляю, как это будет проис-ходить.

Не успеваю что-нибудь спросить или возразить. Герман наклоняется и целует. Одним прикосновением срывает все стоп-краны. Тело охватывает знакомая легкость. Ощущение, будто бабочки порхают в животе. Как можно думать, когда любимый мужчина страстно набрасывается на тебя? Губы требовательные, властные, они не позволяют даже вдохнуть воздух.

– Ты слишком далеко, садись на меня! – произносит Герман, подхватывает и помогает удобно устроиться на нем сверху. Тут же ощущаю его готовность. Желание горячей ла-вой растекается по всему телу, концентрируется внизу жи-вота.

Я забываю обо всем: о болезни, о том, что мы год не об-щались, о том, что между нами недопонимание, и о том, что у Германа есть семья. Мне так хочется ощутить себя нужной и любимой. Не думать хоть в этот момент, что смерть ходит со мной рядом. Одно желание – раствориться в этом мужчи-не. Забыться...

Жадные руки Германа забираются под юбку сарафана, оглаживают ягодицы. Это безумие. Такое приятное безумие. Откидываю голову назад, держусь за его плечи и на его бедрах рисую бедрами волну. Еще одну...

– Поля, – прорычал он и потянул мой сарафан вверх. Мы словно одержимые тянулись друг к другу, хотели наверстать упущенное время. Бешеная жажда. Всепоглощающая страсть. Ненасытность.

В машине было жарко, хотелось ощутить хоть немного прохлады на коже, но Герман только сильнее разжигал огонь в моем теле. С моих губ сорвался тихий протяжный стон, когда его рот опустился на мою грудь. Пока он уделял внимание моим соскам и мял до синяков бедра, я терлась о его возбужденный член. Долго так не выдержу.

– Идем на улицу! – он предупреждает, я не успеваю сползти с его коленей, как он подхватывает меня на руки и вместе со мной покидает салон. Долгожданная прохлада проходит по разгоряченной, покрытой испариной коже. Герман усаживает меня на капот, который успел за это время остыть. Вновь целует. Язык проникает в рот, затевает сражение с моим языком. Герман рычит и прикусывает губу. Несильно. Не больно. Дает этим понять, что его терпение заканчивается. Он и раньше так поступал. Я уже знаю, что Герман на пределе. Не хочу, чтобы он сдерживался. Кладу руку на его ширинку, оглаживаю каменную выпуклость.

– Без тормозов, Поля? – интересуется Герман, поглаживая

через тонкую ткань трусов промежность. – Тебе можно, не наврежу? – он интересуется моим женским здоровьем, а я в этот момент задумываюсь об опухоли в голове. Надеюсь, она не напомнит о себе в самый неподходящий момент.

– Можно. Я уже восстановилась, – он укладывает меня на капот, за бедра оттягивает к самому краю. Подхватывая пальцами резинку моих трусов, Герман стягивает с меня черное кружево. Куда оно летит, я не успеваю проследить. Держаться не за что, я обхватываю его талию ногами, чтобы не соскользнуть. Хотя знаю, упасть он мне не позволит.

Пальцы Германа проходятся по складкам, растирают влагу, задевают клитор. Мое тело выгибается над капотом. Два пальца проникают внутрь, аккуратно растягивают стенки влагалища. Ощущаю небольшой дискомфорт, будто у меня еще не было мужчины. Хочется закрыть глаза, все равно в этой темноте ничего не вижу, но я знаю, как он любит смотреть в них, когда занимается сексом.

Надо мной черное небо, усеянное миллионами звезд. Я просто знаю, что эти размытые сверчки на небе – звезды. Одинокaя луна освещает силуэт любимого. Он прекрасен, словно древнее божество, соблазняющее невинных девиц. Темнота вокруг, черные кроны деревьев и такая приятная прохлада.

Герман расстегивает и спускает джинсы. Массивная головка тут же упирается во влажную промежность. Он разводит мои ноги в стороны, ступнями упираюсь ему в плечи.

Герман проникает в меня одним мощным толчком. Мы словно сумасшедшие срываемся в водоворот чувств и эмоций. Тело не принадлежит мне. Тишину лесной полосы нарушают наши стоны и страстные крики.

— По-ля, кончай!.. — голос Германа срывается. Он кладет палец мне на клитор. Глаза закрываются, пальцы на ногах поджимаются. Я высоко выгибаюсь над капотом. По телу проходится сильная дрожь. Внутренние мышцы сжимаются, Герман в голос рычит... Глубокий мощный толчок, мы вместе приходим к финишу. Я разлетаюсь во вселенной. Я вижу звезды с закрытыми глазами.

По моим щекам текут слезы. Слезы счастья. Нет боли в голове, я не ослепла, хотя все мои нервные окончания пережили нереальное напряжение. Как долго это продлится, я не знаю, но в данный момент я невероятно счастлива. Герман помогает мне подняться, прижимает к себе и целует в висок. Ничего не говорит, а так хочется знать его мысли...

Хорошо в его объятиях и спокойно... Герман покидает мое тело, чувствую, как сперма стекает по внутренней стороне бедра...

Мы не предохранялись! Начинаю считать в уме, когда у меня были единственные месячные после родов... Есть ли вероятность, что я могу забеременеть?..

Глава 8

Герман

Против природы не попрешь. Когда рядом женщина, которую ты хочешь так, что яйца готовы взорваться, перестаешь соображать. Не планировал показывать, что меня накрыло, но разве тут устоишь? Стоило подумать, что Маша хрен даст нам нормально потрахаться, свернул с дороги. Дочь может устроить бессонную ночь. Отымеет так, что сил на секс у Поли просто не останется. А мне со стояком потом что делать? Минут сорок мы могли позволить себе задержаться. Мама и Таня приглядят за малышкой.

Не поймешь этих баб. Поля, как и раньше, страстно мне отдавалась. Секс с ней – высота, которую с другими женщинами я никогда не брал. Мне ее всегда мало. Вижу, что и у Поли так же, так зачем, спрашивается, сбегала? Наташу пожалела. Нашла кого жалеть! Она ведь не знает, что ребенка мне супруга так и не родила.

Будет еще время ей все рассказать. Пора поспешить к дочери.

– Поля, ты нормально? – только что всем телом тянулась ко мне, а сейчас сидит сама не своя. Переживает, что мою семью разбивает? Хрен поймешь, что за тараканы живут у нее в голове. Согласилась же делить со мной постель.

– Да, – отвечает автоматом, даже не задумывается. – Где

мой сарафан? – подал влажные салфетки, потом принес вещь и помог надеть. – А трусы?

– Трусы забрала ночь, – на мою улыбку она не ответила. Не оценила шутку. – Не смог их отыскать, – мне нравилась идея, что на ней нет нижнего белья. Надо запретить Полине носить штаны и трусы. Так даже соблазнительнее, можно в любой момент задрать юбку, наклонить ее над столом...

Пипец! Словно и не трахались!

Меня поглощали мысли о сексе, а Полю какие-то неприятные думы. Она для меня словно открытая книга. Могу читать по выражению лица и глазам ее настроение. Присел на корточки возле открытой пассажирской двери. Полина обнимает себя за плечи, словно мерзнет, хотя на улице тепло.

– А теперь рассказывай, что тебя так расстроило? – мой тон не допускает возражений или отговорок.

– Ничего, – поднимает взгляд, смотрит на меня и машет головой.

– Поля...

– Мы не предохранялись, – еще немного, и она расплачется. – Ты сказал, у меня есть три года, – ощущаю острый укол вины. До автоматизма отточено натягивать резинку. Презервативы всегда лежат в заднем кармане. А тут даже не вспомнил о них. Как раньше с ней, без всяких барьеров. Словно только так правильно. Ничего нас не должно разъединять. Мы одно целое.

– Дни опасные?

– У меня же еще цикл не налачился. Не знаю даже.

– Не будем раньше времени паниковать. Может, пронесет, – Поля права, ей нужно восстановиться. Ведь только родила. Надо научиться рядом с ней включать мозг. – Буду внимательнее. Хочешь, сходим к врачу завтра?

– Зачем? – напряглась она.

– Чтобы ты не переживала больше, укол поставим, – Поля задумалась.

– Посмотрим.

– Что тут смотреть? – с ней не хотелось пользоваться резинкой. – Не желаю наблюдать, как ты впадаешь в депрессию каждый раз, когда рвется презерватив, – случаи, конечно, единичные, но они имеют место быть.

– Завтра позвоню и проконсультируюсь... с гинекологом, – мне показалось, она хотела сказать что-то другое.

– Поехали за дочкой? – глаза Поли заблестели. Сейчас расплатится. Я готов был поверить, что Машу она мне не продавала. Во всей этой истории нужно подробно разобраться. Что у них там произошло? Хотя поступок матери Полины настолько отвратителен, что у меня лично адекватность женщины вызывает сомнения.

– Где ты была, когда твоя мать продавала мне Машу? – мы выехали на шоссе. Вопросов накопилось много, пришлось время начать их задавать. Вспоминая тот поступок, вновь разозлился. Поля слышала стальные ноты в моем голосе и вновь обняла себя за плечи. Надо сбавить обороты, а то она меня

шугаться начнет.

– Я же говорила, – тихо произнесла Полина. Смотрит на меня, ждет реакции. Пытаюсь вспомнить. Точно говорила? «В больнице», – что-то такое проскальзывает в сознании, но совсем смутно. Наверное, был так зол, что не обратил внимания на ее слова.

– Почему лежала в больнице? – отвлекаюсь от дороги, поворачиваюсь к Полине. Смотрит на меня, словно хочет понять мою реакцию. Мне безразлично все, что с ней происходит, но показывать Полине я этого не собираюсь, пока не буду уверен в том, что опять не сбежит.

– Проблемы с глазами. После родов зрение стало ухудшаться, – произносит и с опаской посматривает в мою сторону. Меня это напрягает.

– Сейчас как? – это не праздное любопытство, если есть какие-то нарушения в организме, их лучше диагностировать и устранять на ранних этапах болезни.

– Уже лучше. Но... – она еще что-то хотела добавить, но тут ожил мой мобильник. – По-моему, твой телефон звонит.

Надеюсь, с Машей все хорошо. Думал, мама набрала, а это был Андрей.

– Я уже еду, – как только принял вызов, произнес в трубку.

– К тебе тут гости, – по голосу брата сложно разобрать, в каком он настроении, но точно не улыбается.

– Кто? – без энтузиазма интересуюсь я.

– Полиция... и твоя жена.

Глава 9

Полина

Герман прав, проблемы нужно решать, когда они появляются. Раньше я бы с ним полностью согласилась, а теперь и не знаю, как поступить. Подумав немного, я приняла решение – нужно рассказать о своей болезни. Если окажется, что эта страстная ночь не прошла бесследно, то мне придется сделать непростой выбор. Аборт как решение проблемы я даже рассматривать не хотела. Для меня это все равно что убить нашего с Германом малыша. Но есть вероятность, что мне не хватит времени его выносить. А если все-таки удастся родить? Оставить двух детей без матери? Конечно, у Германа есть возможность их вырастить, дать все самое лучшее...

Но только мамы у них не будет. Мама, которая будет любить их больше жизни. Рассказывать перед сном сказки, петь колыбельные, обнимать и целовать.

Герман предложил поставить укол, но мне нужно сначала убедиться, что я не беременна, а во-вторых, можно ли мне его ставить с теми препаратами, которые я принимаю?

Что-то я себя накручиваю, а ведь доктор говорил, что с моим диагнозом важен позитивный настрой. Подумав о том, что совсем скоро увижу свою доченьку, я улыбнулась. Образ Машеньки прогнал темную стужу, на душе стало намного теплее.

– Где ты была, когда твоя мать продавала мне Машу? – удивилась вопросу Германа. Я ведь ему все рассказала. Значит, был так зол, что даже не слышал меня. Несмотря на это, он меня не выгнал. Неужели так сильно хочет второго ребенка? И почему его должна родить именно я?

– Я же говорила. В больнице, – не стоит скрывать свой диагноз. Лучше будет, если он правду узнает от меня. Но и влюб сказать, что у меня опухоль в голове, я не решилась. Все-таки оставался страх, что он от меня откажется. Зачем ему больная любовница, неспособная родить желанного сына?

– Почему лежала в больнице? – настало время все рассказать...

– Проблемы с глазами. После родов зрение стало ухудшаться, – информацию лучше давать дозированно.

– Сейчас как? – может, мне показалось, но в его тоне явно слышалось беспокойство.

– Уже лучше. Но... – я хотела начать исповедь издали. – По-моему, твой телефон звонит, – наверное, это было предупреждением, что моя откровенность пока не к месту.

Поговорив по телефону, Герман грубо выругался и надавил на педаль газа.

– Она пожалеет о своем поступке! – я ничего из его коротких фраз не поняла, но видно было, что он в бешенстве. Что еще произошло? Кто пожалеет? Надеюсь, это не моя мама?

– С Машей все хорошо? – тихо спросила я.

– Да, – не знаю, откуда это у меня, но я очень хорошо чув-

ствовала Германа. Хотя и без этого понятно, сейчас к нему не стоило лезть с вопросами. Остается ждать... и нервничать.

Сидела всю дорогу как на иголках. Мы подъехали к незнакомому элитному особняку. Возле ворот стоял патрульный уазик, что не могло не насторожить. Почему-то, когда мы видим машины правоохранительных органов, ничего хорошего не предполагаем. Да и не стоит ждать радостных новостей, когда к кому-то в дом приезжает полиция.

Герман резко затормозил, заглушил мотор. Не дожидаясь меня, он буквально вылетел из автомобиля. Я немного растерялась. Что мне делать? Остаться здесь или идти за ним? Я выбрала второй вариант.

Вроде везде горел свет, но он расплывался перед глазами. Последнее время это частое явление, стоит только разнервничаться. Приходилось идти медленно, чтобы не споткнуться. Наверное, слепые кроты и то увереннее передвигаются, но у них ведь в отличие от меня хорошо развиты другие рецепторы.

Я не вошла в просторную гостиную, осталась стоять у двери. Огромное, на мой взгляд, количество людей заставило меня остановиться у дверей. На мое появление никто не обратил внимания. Герман не очень вежливо общался с представителями правоохранительных органов.

— Мы должны выяснить все обстоятельства этого дела. От вашей жены поступило заявление, где говорится о том, что

ребенка вам подбросили. Это правда?

– Нет! – рыкнул Герман.

– Как только мы разберемся во всем, установим, что преступление не было совершено, и вы действительно отец, вам вернут девочку. Органы опеки...

– Никто к моей дочери и пальцем не притронется! – Герман так заорал, что толстый полицейский отступил. – Маша останется со мной и своей матерью.

– И где ее мать? Родила и бросила! – этот голос я узнала сразу. Наташа...

Выглядела она потрясающе. Стильный легкий костюм бирюзового цвета, туфли на высоком каблуке. Она будто только что вышла из салона: волосы уложены, наверняка и макияж в порядке. Ее лицо я видела расплывчато. А я? Вся растрепанная, в недорогом сарафане, который покупала себе во время беременности. Краситься с моим зрением вообще не стоит, только изуродую себя. Понятно ведь, что на стилиста и визажиста денег у меня нет. А еще на мне нет трусов... Ужас!

– Миша говорит, что ты какой-то женщине деньги заплатил за ребенка! – продолжила жена Германа. Меня обуял какой-то дикий ужас. Я только что вернула Машу, а теперь ее могут забрать. Мама даже не представляет, сколько боли и зла принесла своим поступком.

– Зачем вы говорите, что я бросила свою дочь? – вышла я вперед. Старалась вести себя уверенно, контролировала го-

лос. – Это неправда, – все резко обернулись в мою сторону.

Глава 10

Полина

– Вы кто? – обратился ко мне полицейский, который беседовал с Германом.

– Я мама Маши. Могу вас заверить, что ребенка я не бросала.

– У вас есть с собой документы? – ответить я не успела...

– Ты?! – заверещала Наталья и кинулась на меня. Она быстро преодолела разделяющее нас расстояние и вцепилась мне в волосы. Все опешили, я растерялась. Не ожидала, что женщина бросится драться. – Проститутка! – я пыталась держать ее руки, чтобы она не выдрала мне с кожей волосы. Оскорбление меня задело, словно по сердцу полоснули ножом. – Продолжала все это время трахаться с моим мужем! Родила ублюдка! Из-за тебя, сука... из-за тебя умер мой ребенок!

– Пришла в себя! – закричал на жену Герман. Наташа его словно не слышала, продолжала тянуть мои волосы. Она пиналась, ругалась, оскорбляла нас с Германом. Было очень стыдно, что на это безобразие взирало с десятков глаз.

Как в такой ситуации не нервничать? Я готова была провалиться от стыда сквозь землю. Я – бывшая любовница, мать незаконнорожденной дочери Германа, пришла в дом, где живет его супруга. Мне казалось, что все смотрят на меня и

осуждают. Как же неуверенно я себя чувствовала, не видя выражения их лиц.

– Я убью это шалаву! Как она посмела появиться в нашем доме?! – Герман наконец-то отцепил ее руки, стал оттаскивать Наташу от меня, но женщина изловчилась, вырвала руки и поцарапала мужу лицо.

– Не ори, в доме дети спят! – у Натальи была истерика. Герман, чтобы привести жену в чувство, залепил ей звонкую пощечину. Наташа прекратила орать и брыкаться. – Пришла в себя? – Наталья громко принялась всхлипывать, по моему, сейчас истерика примет другой оборот. – Дайте воды! – крикнул Черногоров. Полицейские, наблюдавшие за этой картиной, не вмешивались в происходящее. Молодая, незнакомая мне женщина подала стакан с водой. – Пей, – приказал супруге Герман. – Таня, проводи Наташу в кухню, дай ей успокоительное, я с ней позже поговорю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.